

Читать Историю

В упорядоченном тоталитарном государстве, переживающем период своей высокой классики, санкция необходима на все. В том числе и на то, что в остальном мире почитается даром Божиим или генетическим капризом природы: на литературный талант тоже. Та духовно-идеологическая формация, которую принято называть советской литературой, безусловно, создавалась талантами: санкционированными, несанкционированными и, так сказать, промежуточными.

Причем коренное различие между ними, вопреки ходячему либеральному предрассудку, заключалось не в мере одаренности и призвания к литературному труду: не этим определялась разительная непохожесть жизни и судьбы таких пи-

место (в ней же) рептильные идеологические служаки, вхожие в кабинеты главных редакторов партийных изданий и аппаратчиков со Старой площади. Возмездие было суровым: М. Бубеннов, чье имя останется в литературе, может быть, только в связи с антигроссмановской кампанией, ударил по писателю и «Новому миру» подленькой статьей в «Правде», вторивший ему А. Первенцев предьявил Гроссману смертоносное в эти смутные месяцы 1953 года обвинение в идеологической диверсии. И все доброты, как по команде, утерлись и сомкнули ряды. А. Фадеев направил в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева и П. Н. Поспелова со своей «сопроводителькой» покаянное постановление президиума

Отдельные критики, игнорируя пороки романа и всячески расписывая его мнимое художественное совершенство, занялись безудержным восхвалением и беззастенчивой рекламой произведения (выступления Л. Субоцкого, В. Голышевского, Бровмана, Н. Толченовой, Авдеенко на устных обсуждениях в ЦК КПСС, статьи С. Львова, В. Галанова, А. Дымшица). В предвзятых оценках, апологетическом отношении этих критиков к роману отчетливо проявились идеологические взгляды, беспринципность, а в ряде случаев групповые, приятельские интересы. Пытаясь представить идею ошибочное произведение В. Гроссмана как некий образец для советских писателей, упомянутые критики взяли на

вариант романа в Союзе советских писателей, В. Гроссман внес в текст романа некоторые исправления. Автор написал две новые главы, показав образ русского ученого академика Челыжина, который выступает как учитель профессора Штрума. Пытаясь отобразить героический труд рабочего класса и колхозного крестьянства во время Отечественной войны, автор дополнил роман несколькими главами, посвященными этой теме. Написано несколько страниц о рядовом немецком солдате, который начинает сомневаться в гитлеровском режиме.

Эти и некоторые другие дополнения к тексту в известной мере улучшили роман, за исключением отдельных мест в главе 40-й (стр. 113—119),

сколько мне позволяет время. Работаю я крошечной на швейной фабрике. На досуге же не только читаю, но и сама пишу, выступаю иногда в печати со статьями. К сожалению, я не писательница и не литературовед. Я просто отзывчивая читательница. Ведь литература — это беда. И я внимательно прислушиваюсь к тому, что нам говорят писатели. Есть среди последних и такие, которых я слушаю с особой радостью. Говорят: «Скажи, кто твои друзья, и я тебе скажу, кто ты». Из современных писателей мои любимые: Паустовский, Вас. Гроссман, Вера Панова, Виктор Некрасов, Твардовский, Маршак, Чуковский. Конечно, есть и другие хорошие писатели, но эти мне ближе всех. И Вы понимаете,

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ТАЛАНТ

сателей-современников, как Шолохов и Платонов, Тихонов и Заболоцкий, Фадеев и Гроссман, Федин и Зоценко, Твардовский и Солженицын. Она была обусловлена прежде всего их местом в официальной литературной иерархии, способностью внутренне совпасть с ним, быть на уровне его высоты (или низости), с готовностью отвечать налагаемым ими требованиям. Кто этого не умел или с этим не считался, надолго в литературной иерархии, даже однажды в нее попав, не задерживался. И напротив, а тех, кому удавалось утвердиться в этой иерархии, вырабатывался обостренный нюх, на «своих» и «чужих», корпоративное чувство круговой поруки, жреческое сознание приобщенности к высшим тайнам истории.

Не надо упрощать ситуацию: санкционированные таланты нередко воздавали должное художественным достоинствам произведений несанкционированных талантов и даже порой поддерживали их. Но не это было для них главным: как только кто-либо из последних осмеливался поднять руку на литературную иерархию или поколебать ее табель о рангах, они включались в коллективную травлю «отступника» от генеральной линии соцреализма, выполняли до конца свою палаческую миссию. И не колеблясь выпускали на них «цепных псов» иерархии, своею преданностью полностью испугавших в их глазах свою бездарность. Это о них писал поэт:

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
— Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.
И литературные сановники, и их идеологические подручные сыграли выдающуюся по своей мерзкой типичности или типичной мерзости роль в биографии замечательного писателя Василия Семеновича Гроссмана (1902—1964), тридцатая годовщина смерти которого исполнилась 14 сентября. Документы из фондов Центра хранения современной документации, предоставленные редакции «ВМ», освещают трудный путь к своему читателю последних книг Гроссмана, которые он считал главным делом жизни, — «За правое дело» и «Жизнь и судьба».

Литературный дебют Василия Гроссмана, чьи детские годы связаны с Киевом, а студенческая юность (химическое отделение физико-математического факультета МГУ) и становление в качестве писателя — с Москвой, не предвещал последующих драм и коллизий, которые завяжутся вокруг его зрелых произведений. Его первый роман «Степан Кольчугин», пользовавшийся в 30-е годы довольно широкой популярностью и благожелательно отмеченный критикой, сработал еще во многом по патентованным в СССР рецептам соцреализма, хотя не мог скрыть незаурядного мыслительного и творческого потенциала его автора.

Литературную работу Гроссмана круто повернула в другое русло Великая Отечественная война: он в качестве военного корреспондента «Красной звезды» пережил с действующей армией и горечь поражений 1941—1942 годов, и пламя решившей в конечном счете исход войны Сталинградской битвы, и грохот последних залпов, знаменовавших окончание кровавой страды. Его военная публицистика — очерки «Направление главного удара», «Треблинский ад», сталинградский цикл, его повесть «Народ бессмертен» — может быть поставлена в один ряд с такими великими произведениями, как «Василий Теркин» А. Твардовского, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, фронтовые стихи С. Гудзенко.

Отнюдь не случайно то, что Александр Твардовский, узнав о планах Гроссмана написать роман о Сталинграде, отказался на них в своем письме 1944 года словами, какие редко кому приходилось от него слышать: «Дорогой Вася!.. Я очень рад за тебя, что тебе пишется, и с большим интересом жду того, что у тебя напишется. Просто сказать, ни от кого так не жду, как от тебя, и ни на кого так не ставлю, как на тебя». И естественно, что в «Новом мире» у Твардовского оказалась рукопись первой части дилогии о Сталинграде Гроссмана, которая сперва так и называлась «Сталинград», а потом была напечатана в 1952 году под названием «За правое дело». Не прости был путь рукописи Гроссмана к печатному станку.

В течение нескольких лет инстанции, от которых зависело решение о публикации романа Гроссмана («старая» редакция «Нового мира», секретариат Союза советских писателей), не могли выработать своей позиции в отношении этого произведения: отвергать было нехотелось, а принять ответственность на себя боязно. Наконец генеральный секретарь ЦСР А. Фадеев обратился с письмом к И. В. Сталину, где просил его «разрешить журналу «Новый мир» опубликовать роман» в 1950 году. Копию письма Фадеев адресовал М. Суслову. Бюрократическая волянка продолжалась еще два года, пока «Новому миру» не удалось в 1952 году протолкнуть рукопись в печать.

Но, как это сплошь и рядом случалось в сталинские времена, зарвавшийся в своем дозированной волюнтаризме первосвященник литературной иерархии немедленно поставили на

Из жизни и судьбы Василия Гроссмана

ЦСР, присоединившись к своре хулителей и молгищников романа и опубликовавшего его журнала.

ЦК КПСС товарищу ХРУЩЕВУ Н. С. Известно у нас подхалимам Влиятельным только одним.

Направляю вам постановление президиума Союза советских писателей СССР о романе В. Гроссмана «За правое дело» и о работе редакции журнала «Новый мир».

Генеральный секретарь Союза советских писателей СССР

А. Фадеев

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР О РОМАНЕ В. ГРОССМАНА «ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО» И О РАБОТЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» 24 марта 1953 г.

Президиум Союза советских писателей СССР считает совершенно правильной резко критическую оценку, которую получила первая книга романа В. Гроссмана «За правое дело» в статьях «Правды», журнала «Коммунист», а также в редакционной статье «Литературной газеты».

Президиум отмечает, что серьезные ошибки и недостатки романа В. Гроссмана объясняются прежде всего отступлением писателя от партийной литературы. Произведение содержит серьезные идейные пороки, в его основе лежит грубо ошибочная идеино-творческая концепция. Вместо осмысления событий Великой Отечественной войны в свете марксистско-ленинской теории, Гроссман исходит из реакционных воззрений на исторический процесс. Подбоя трактова историю приводит объективно к проповеди на страницах романа буржуазной идеалистической философии.

Ошибки и пороки идейного характера обусловили многие недостатки романа В. Гроссмана как художественного целого. При наличии ряда удачных образов и сцен роман в целом рыхлый и композиционно плохо организованный.

В нем нет цельной картины действительности, не показаны закономерности общественного развития, источники нашей победы в Великой Отечественной войне, организующая и руководящая роль коммунистической партии. В. Гроссман не передал силы и красоты нравственного облика советского народа, он не показал типического образа советского человека — героя великой Сталинградской битвы. Не создав сильных и законченных образов простых людей из народа, героических борцов за социалистическую Родину, автор поставил в центр произведения людей мелких, незначительных, обывателей, а задачу философского осмысления исторических событий возложил на персонажей, исповедующих буржуазную идеалистическую философию (Штрум, Челыжин). Вредные «теоретические» носители идеалистических взглядов не разоблачаются и не опровергаются в романе.

Президиум Союза советских писателей отмечает, что редколлегия журнала «Новый мир», напечатывая роман В. Гроссмана, допустила большую ошибку, не проявила необходимой бдительности и требовательности к идеино-художественному качеству произведения. [...]

Президиум поручает секретариату ЦСР в недельный срок принять практические меры по укреплению состава редколлегий и редакционного аппарата «Нового мира».

Президиум Союза советских писателей считает необходимым обратить внимание на тот факт, что роман В. Гроссмана получил совершенно неправильную оценку в некоторых статьях и устных выступлениях писателей и критиков. Это говорит о том, что беспринципные и групповые интересы еще не преодолены до конца.

себя неблагодарную роль разносчиков и защитников реакционных идеалистических взглядов.

Следует отметить неудовлетворительную организацию первого обсуждения романа секцией прозы, руководитель которой т. Злобин не обеспечил правильного и беспристрастного разбора произведения.

Некритическое отношение к роману сложилось в ЦСР вследствие того, что часть членов секретариата и президиума дала на заседаниях секретариата и президиума положительную оценку произведения (Фадеев, Симонов, Твардовский, Суриков). В данном случае сказались благодушие, недостаточная идейная требовательность, неумение разглядеть за частными достоинствами произведения его общую порочную направленность. Секретариат и президиум Союза советских писателей в своем большинстве не приняли во внимание справедливую критику, выраженную в обсуждении романа В. Гроссмана до его напечатания писателями Бубенновым, Агаповым, Катаевым, Кожениковым, Грибачевым.

Отмечая это, президиум подчеркивает, что принципиальная и объективная оценка литературного произведения должна вырабатываться в Союзе писателей не на основе того, что произведение «понравилось» или «не понравилось» тому или иному из руководящих работников ЦСР, а на основе критики и самокритики, вполне оправдавшего себя метода широкого обсуждения, свободной творческой дискуссии.

Президиум Союза советских писателей напоминает советским писателям и критикам о необходимости высокой принципиальности, требовательности в оценке литературных произведений, необходимости настойчивой борьбы за дальнейшее повышение идеино-художественного уровня советской литературы. Президиум считает необходимым поставить в центр своего внимания вопросы идеино-творческого воспитания членов ЦСР, вооружения их марксистско-ленинской теорией, вопросы повышения бдительности, идейной зоркости. Необходимо так организовать дело, чтобы пресечь все возможности проникновения в советскую литературу чуждой идеологии, чтобы наша литература всегда была могучей идеологической крепостью, провозвестником великих идей коммунизма.

Сталин умер, его преемники занялись переделом политической власти в стране. Настала сырая и непродолжительная «оттепель». «Новый мир» и лично А. Твардовский пытаются снять с романа Гроссмана клеймо «идейно порочной» книги, обращаются в ЦК КПСС с очередной «любимой». Реакция защитников «могучей идеологической крепости», каковой призвана быть советская литература, носит неопределенный, в духе времени кисло-сладкий характер: исправления, внесенные в текст романа Гроссманом после критики, в «известной мере его улучшили», хотя идеологические сомнительные пассажи не вытравлены окончательно. Выпукло показаны главные кузницы победы в Сталинградской битве — товарищ Сталин и тов. Хрущев, но автор чересчур, не по чину, акцентирует внимание в ущерб общей картине на таких второстепенных ее участниках, как генерал Еременко, секретари Сталинградского обкома ВКП(б) — т. Чунанов и т. Водолагин. (В этих тонких дифференциациях между товарищем Сталиным, тов. Хрущевым и т. Чунановым с т. Водолагиным — вся иерархическая премудрость влиятельных подхалимов). А вообще лучше всего сплунуть ответственность на журнал.

СЕКРЕТАРИО ЦК ВКП(б) тов. СУСЛОВУ М. А.

Главный редактор журнала «Новый мир» т. Твардовский представил в ЦК ВКП(б) новый вариант романа В. Гроссмана «Сталинград» с просьбой разрешить его к опубликованию. Учитывая критику, которой подвергся первый

в которых даются абстрактные и неправильные рассуждения академика Челыжина о причинах распространения фашизма в Германии.

В романе имеются главы, показывающие товарища Сталина. В ряде глав изображается тов. Хрущев. Эти материалы замечаний не вызывают.

Слишком много места уделено в тексте романа генералу Еременко и секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) т. Чунанову, которыми автор чрезмерно любует, превеличивая их роль в развитии событий. Без всякой необходимости упоминается секретарь обкома т. Водолагин.

Было бы целесообразно довести эти замечания до сведения редколлегии журнала «Новый мир», представив на ее решение вопрос о дальнейшей доработке и публикации романа В. Гроссмана «Сталинград».

П. Тарасов В. Иванов.

На II съезде советских писателей в 1954 году критика романа Гроссмана была дезавуирована в выступлениях все того же А. Фадеева, он вышел в свет несколькими изданиями. Но писатель уже не нуждался в санкции на свое творчество.

Вторая часть дилогии о Сталинграде, роман «Жизнь и судьба», был закончен в 1960 году, перенан в журнал «Знамя» и по редакционной коллаборации был изъят КГБ у автора. Несмотря на все попытки писателя выволить свой арестованный роман путем обращения к руководителям ЦКСС, довести его до читателя, на нем, как и на его авторе, был поставлен крест. М. Суслов заявил Гроссману, что в ближайшие 200—300 лет его книга не будет напечатана. При этом никто из тех, кто брал на себя смелость от имени народа судить, что ему, народу, нужно в качестве пища духовной, ни разу не удостоился у него, у народа, спросить, а что он сам думает на этот счет. Фрагмент из письма закрывающей фабрики «Индустрия» № 4 (г. Киев) Г. И. Зинченко Н. С. Хрущеву свидетельствует о том, насколько же фальшю лучше, точнее, прозорливее разбирались в вопросах литературы рядовые читатели, нежели наши партийные лидеры с их марксистско-ленинской подковкой.

Дорогой Никита Сергеевич, я не знаю, как Вы отнесетесь к моему письму, — может быть, оно Вам не понравится, — но вот уже две недели, как я не могу найти себе места, и я решила Вам написать. [...]

Я понимаю, какой огромный груз Вы несете на своих плечах, — а ведь Вам уже не двадцать лет, — и всегда Вы в полной форме, всегда говорите метким словом сразить врага, умеете говорить простым, не книжным языком, таким для нас всех доходчивым. Еще давно, когда Вы раскрыли преступления сталинской эпохи и объявили об этом народу и многие обвиняли Вас, — говорили, что нельзя было так сразу это делать, — я всегда была на Вашей стороне. Я поняла: Вы не умеете быть неискренним, расчетливым, дипломатично осторожным. И Ваш характер, пылкий, безудержный, не терпящий никакого притворства, меня всегда восхищал. И я считала, да и сейчас считаю, что с таким человеком, как Вы, можно договориться. Поэтому и пишу Вам.

Ваше выступление на встрече с деятелями литературы и искусства совершенно сбilo меня с толку. Я не буду спорить с Вами о художниках-абстракционистах, ибо не видела их произведений. (Имя Эрнста Неизвестного ничего мне не говорит). А вообще я полностью разделяю Ваше отношение ко всяким декадентским выкрутасам. Правда, я не совсем согласна с Вашей требовательностью по отношению к этим художникам. Направление в искусстве — это настолько стихийная вещь, что влиять на него нельзя, да и не нужно. По мне, — пусть каждый творит, как он хочет. Время само отсеет шелуху от сердцевин.

А теперь перехожу к основному — писателям. Литература мне не чужда. Я слежу за ней, по-

как мне было тяжело читать в Вашей речи несправедливые замечания о двух из них — о Викторе Некрасове и о Паустовском.

Никогда не пове-рю, что Паустовский вел себя хорошо за границей. Я с ним не знакома, никогда его не видела, и вместе с тем он для меня вполне ясен. Это высококультурный, смелый, справедливый человек. Меня всегда привлекали не столько его произведения, сколько некоторые его широкие взгляды на жизнь, его клич (именно это слово подходит) к прекрасному. Чем он мог себя плохо проявить во Франции по отношению к нашей стране, которую он любит до самозабвения? Повторяю — никогда не поверю.

Далее — о Викторе Некрасове. Я читала и «Первое знакомство», и «По ту сторону океана», да и вообще все его произведения. И все (за исключением «Киря Георгиевны») мне нравятся. Но ведь дело даже не в его литературных достижениях. Дело в нем самом. Произведения — это ключ к знакомству с писателем. И надо сказать, что, прочитав его путевые заметки об Америке, я поняла, что В. Некрасов человек не только большого таланта, но и большой эрудиции. Весь стиль его письма, непринужденный и вместе с тем собранный, весь его подход к чуждой нам Америке, стране капиталистического мира, говорит о том, что он умеет не только смотреть, но и видеть. Его мысли об архитектуре, его умение заметить малое в большом и большое в малом — все это так серьезно настраивает читателя, что оценка его путевых заметок мерюю пропагандистской агитки полностью отпадает. Некрасов взял курс куда выше. Он не унижал себя до того, чтобы описывать Америку так, как выслуживающиеся американские туристы описывают Советский Союз («по запаху отхожих мест»). Он увидел Америку глазами человека коммунистического общества. И, поверьте мне, Никита Сергеевич, такая книга — большой вклад в литературу за мир во всем мире. Я восхищена (да и не только я) этими заметками именно благодаря их объективности. [...]

И раз я Вам уже пишу, то еще несколько слов об одном писателе, хотя его имя Вы в своей речи не упомянули. Это Василий Гроссман. Десять лет тому назад, когда «Новый мир» опубликовал его роман «За правое дело», писателя критиковали многие газеты. Но прошло некоторое время, и покойный Ал. Фадеев выступил на съезде писателей в защиту этого произведения. И после его выступления те же газеты расценили это же произведение Вас. Гроссмана как значительный вклад в литературу.

И вот читатель ждет продолжения этой книги. Оно уже написано. Три года тому назад «Новый мир» обещал его своим подписчикам. Через год почему-то это обещание мы услышали от журнала «Знамя». Но произведение Вас. Гроссмана «Жизнь и судьба» (продолжение романа «За правое дело») до сих пор не опубликовано.

Никита Сергеевич, читали ли Вы «За правое дело»? Вероятно, нет. Что при Вашей занятости вполне понятно. Обязательно возьмите и прочитайте. И тогда Вы поймете, безо всяких моих комментариев, какой величины талант Вас. Гроссмана. Равного ему прозаика в нашей стране нет. Почему его так мало печатают? Почему вообще о нем так мало пишут? В чем он мог «провиниться», — человек высокой идеальности, большого ума и горячего сердца? Я прошу Вас подумать над судьбой этого писателя.

Лозунг нетерпимости в области идеологии — правильный лозунг. Но он не должен граничить с другим — «свобода слова». Мы должны критиковать, убеждать, спорить, но мы не должны лишать слова. Если Вы не согласны с идейной позицией Вас. Гроссмана (а вообще я не представляю себе, что вредного может сказать этот писатель), то опубликовать его произведение и тогда ведите с ним бой. Но просто не печатать большую вещь большого писателя, — это нам не к лицу. [...]

Уважающая Вас Зинченко Галина Ильинична, закрывающая ф-ки «Индустрия» № 4.

Прошло пусть не триста, но немногим менее тридцати лет, прежде чем роман Василия Гроссмана был опубликован в нашей стране. Это стало одним из важнейших событий в нашей духовной жизни, одной из вех в трудном процессе исторического самопознания, в который повергло нас время. Но не сослужила ли форсированная перестрелочная актуализация «Жизни и судьбы» дурную услугу восприятию его многосложного идеино-художественного содержания общественным сознанием? Мне кажется, что целостная оценка значения романа в измерениях большой русской прозы еще впереди. И тридцатилетие со дня смерти его создателя побудит нас еще раз перечитать саму книгу, раз уж нам суждено было стать ее первыми читателями.

Составление и публикация А. В. НОВИКОВА Комментарий Сергея ЗЕМЛЯНОГО